

Котышев Д. М.

Русская земля в X–XII вв.: центр и периферия

Одним из ключевых этапов формирования древнерусской государственности является возникновение в Среднем Поднепровье раннегосударственного образования, именуемого «Русской землей». Вопросы возникновения Русской земли, ее территориальных и хронологических границ имеют солидную историографическую традицию.

Отправной точкой можно считать фундаментальную работу А. Н. Насонова. В своей работе исследователь впервые поставил вопрос о Русской земле как своеобразной предтече Древнерусского государства, «колыбели» трех будущих княжений — Киевского, Черниговского и Переяславского¹.

А. Н. Насонов фактически положил конец длительным спорам о первичности т.н. «широкого» и «узкого» понимания Русской земли. В дальнейшем исследование, посвященные Русской земле, двигались двумя путями: локализация границ Русской земли в пределах Среднего Поднепровья (поиск дополнительных аргументов в пользу концепции А. Н. Насонова), либо распространение этих границ на более обширные территории (через включение в состав Русской земли населенных пунктов, расположенных за пределами поднепровских земель).

Последний подход характерен для работ, авторы которых определяют границы Русской земли на основании локализации населенных пунктов, упоминаемых в летописных текстах, как принадлежащих к Русской земле. Речь идет, в первую очередь, о разысканиях Б. А. Рыбакова². Гораздо позднее данную задачу попытался решить В. А. Кучкин. Его работы³ преследовали целью пересмотр выводов Б. А. Рыбакова, но, тем не менее, на мой взгляд, не привнесли ничего принципиально нового (хотя выявление большого количества неточностей, допущенных в работах Б. А. Рыбакова само по себе немаловажно). Расплывчатость формулировок в работе В. А. Кучкина объясняется стремлением исследователя выбрать и проанализировать те фрагменты летописного текста, которые содержат конкретные географические локализации «Русской земли». Как полагает

¹ Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951.

² Рыбаков Б. А. Проблема образования древнерусской народности в свете трудов И.В. Сталина // Вопросы истории. 1951. № 9. С. 42–62; (текст данной работы с незначительными изменениями был воспроизведен значительно позже в тексте: Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982.

³ Кучкин В. А. Русская земля по летописным данным XI — первой трети XIII вв. // Образование Древнерусского государства. Спорные проблемы. Чтения памяти член-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Москва. 13–15 апреля 1992. М., 1992. С. 79–82. Расширенный вариант работы см.: Кучкин В.А. Русская земля по летописным данным XI — первой трети XIII вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1992–1993 гг. М., 1995. С. 74–100.

И. В. Ведюшкина, подобная выборочность чревата большими погрешностями в выводах. По ее мнению, представляется более целесообразным не исключать неоднозначные упоминания, а изучать весь корпус сведений целиком⁴. Итогом предварительных наблюдений исследовательницы стали выводы, идущие вразрез с построениями Рыбакова и его последователей. И. В. Ведюшкина отмечает «разительный контраст в семантике самоназвания между ПВЛ и более поздними летописными сводами (ПВЛ — преобладают общерусские и географически нейтральные названия, при полном отсутствии однозначно узких...; летописные статьи второй трети XII — первой трети XIII в. — преобладают определенно узкие и узкие по контексту толкования, мало географически нейтральных, совсем единичны случаи общерусского понимания)...». Все это, по мнению И. В. Ведюшкиной, «заставляет поставить под сомнения целый ряд привычных стереотипов». Одним из таковых является «легенда о первичности узкого географического значения “Русской земли”»⁵. Исходя из сделанных выводов, И. В. Ведюшкина призывает перевести научные дискуссии на данную тему «с уровня концепций на уровень картотек».

При этом участниками дискуссий как-то незамеченной осталась статья Н. Ф. Котляра, посвященная изучению термина «Русь» в летописной традиции XII–XIII вв. Украинский исследователь уже в 1976 г. показал, что в 1130–1140 гг. изменяется само содержание термина «Русская земля», что «узкое» толкование в летописных текстах весьма неоднородно⁶.

В вопросе истолкования территориального содержания понятия Русская земля подход И. В. Ведюшкиной представляется мне наиболее оправданным. Необходимо учесть *всех* упоминаний «Русской земли», как явных, так и неявных, без оглядки на их географическую определенность. Каждый случай упоминания должен изучаться в составе текста и как его неотъемлемая часть, т.е. в *контексте упоминания*.

Сплошной просмотр данных Ипатьевской летописи за XII век, осуществленный на этих принципах, выявил много дополнительной информации в пользу идей, высказанных Н. Ф. Котляром и И. В. Ведюшкиной, а также позволил уточнить ряд частных моментов⁷. В целом, суммируя итоги этих наблюдений, можно сказать, что на протяжении XII века Русская земля развивается не в сторону территориального расширения⁸, а наоборот, в сторону сужения. Если в со-

⁴ Ведюшкина И. В. «Русь» и «Русская земля» в Повести Временных лет и летописных статьях второй трети XII — первой трети XIII вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1992–1993 гг. С. 115. прим. 8.

⁵ Там же. С. 113.

⁶ Котляр М. Ф. «Руська земля» в літописах XI–XIII ст. // Український історичний журнал. 1976. № 11. С. 97–108.

⁷ Работа была проведена в 2001–2003 гг. Предварительные итоги этой работы были опубликованы мной в 2004 г.: Котышев Д. М. «Русская земля» в первой половине XII в.: из наблюдений над текстом Ипатьевской летописи за 1110–1150 гг. // Український історичний збірник. 2005: Зб. наук. пр. Вип. 8. Київ, 2005.

⁸ Здесь уместно вспомнить о точке зрения М. Н. Тихомирова, который утверждал, что «Русью первоначально называлась только Киевская земля, откуда это название распространилось на остальные земли восточных славян» (Тихомиров М. Н. Происхождение названий «Русь» и «Русская земля» // Советская этнография. 1947. т. VI–VII. С. 62).

стае Русской земли в начале XII в. числится почти вся территория Южной Руси, то к середине столетия намечаются устойчивые тенденции и отпадению сначала Переяславщины, а затем — Черниговщины.

При этом процессы, замеченные и отмеченные южнорусским летописцем, получают подтверждение и «со стороны». Так, в НЛЛ читаем под 6642 г. «...и раздбрася вся земля Русьская». Далее новгородский летописец конкретизирует картину этого «раздрая» — «Ходи Мирославъ посадникъ из Новагорода мирить киян с черниговци и не успевь ничего же... Яроплкъ к собе зваше новъгородъце, а черниговский князь собе». Подобная картина военного противостояния продолжалась достаточно долго — через полгода епископ Нифонт «идевъ Русь... с лучшими мужи и заста кияны съ черниговъцы стояще противу собе, и множество вои...»⁹

Ситуация, зафиксированная в источниках, отражает процесс распада единого государственного образования на отдельные составляющие, активно враждующие друг с другом; причем процесс распада начался во второй четверти XII в. Целиком и полностью можно согласиться с И.В. Ведюшкиной, что ни о какой консервативности и архаичности летописной терминологии не может быть и речи; напротив, эта терминология «мобильна, динамична и адекватно отражает происходящие изменения»¹⁰.

Следовательно, Русская земля охватывает на заре своего существования более значительные территории, чем под конец XII века, когда она территориально фактически «усыхает» до границ Киевской земли. Это положение будет являться основной опорной точкой для дальнейших рассуждений.

В истории возникновения и развития Русской земли можно выделить несколько этапов последовательной эволюции социальных и политических структур. Попробую представить основное содержание этих этапов ниже.

На первоначальном этапе наблюдается процесс трансформации вождестских структур в раннегосударственные. Идея рассмотреть завершающую стадию восточнославянского политогенеза через призму концепции вождества не нова — ее использование отечественной исторической наукой применительно к описанию зарождения древнерусской государственности имеет более чем 20-летнюю историю¹¹.

При этом стоит отметить, что теория вождества в целом ряде случаев примняется достаточно механистично — через наложение понятий: союз племен

⁹ НЛЛ / ПСРЛ. Т. 3. М., 2000. С. 23-24, 208-209.

¹⁰ Ведюшкина И. В. «Русь» и «Русская земля»... С. 113.

¹¹ Впервые концепция вождества применительно к начальной истории Руси была анонсирована на IV Чтениях памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто в 1992 г. (см.: Мельникова Е. А. К типологии становления государства в Северной и Восточной Европе (постановка проблемы) // Образование древнерусского государства. Спорные проблемы. С. 38–41). Выказанные Е. А. Мельниковой идеи были развернуты в ее последующих работах, а также развиты рядом других исследователей (см.: Мельникова Е. А. К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Восточной Европе (Постановка проблемы) // Древнейшие государства Восточной Европы. 1992–1993 гг. С. 16–33; Котляр Н. Ф. О социальной сущности Древнерусского государства IX — пер. пол. X в. // Там же. С. 16–33; Он же. Древнерусская государственность. СПб., 1998. С. 32–34).

— простое вождество, суперсоюз племен — сложное вождество и т.д.¹². Эта замена понятий, отчетливо прослеживаемая на страницах научной литературы 90-х гг. XX в., представляется мне методологически некорректной. Те исследователи, которые стремятся заменить союзы племен вождествами, впадают в эклектику, стремясь совместить несовместимые понятия. Вождество никак не может являться синонимом племени или союза племен, т.к. является иным типом социальной организации.

Само племя¹³ догосударственной эпохи представляет, как правило, совокупность различных групп, объединенных общим реальным или фиктивным (мифологическим) родством, занимающих определенную территорию (ареал) обитания, имеющих общее самоназвание, общую систему сакральных ритуалов, табу и церемоний¹⁴. Для этого уровня характерно отсутствие формального лидерства и институционализированной власти в принципе. Союзы племен уже являют нашим глазам зачатки такого лидерства, одновременно демонстрируя зародыши общеплеменных властных институтов¹⁵.

Возможно, стремление уравнивать в статусе племя (племенной союз) и вождество, характерное для определенной части российских (и не только) исследователей, исходит из точки зрения М. Фрида, согласно которой племя как форма социальной организации имеет вторичный характер, поскольку возникает в результате воздействия развитых обществ на доклассовую периферию (т.н. «эффект трибализации»)¹⁶. Но вождество изначально является более сложной структурой, чем племя, в силу наличия иерархии власти, социальной стратификации и редистрибутивной системы. Стоит прислушаться к мнению Н.Н. Крадина, полагающего, что «понятия “вождество” и “племя” соотносятся как более развитая форма и генетически связанная с нею, но менее развитая форма». Исследователь, противопоставляя эти понятия, рассматривает их как централизованное и децентрализованное состояние социальной системы: «если племя в теоретической модели можно представить как определенную совокупность сегментов, объединенных лишь зародышевыми формами управления, то теоретическая модель вождества могла бы выглядеть следующим образом: этот же набор сегментов, однако объединяемых на основе централизованной власти, иерархической системы принятия решений»¹⁷.

¹² В этом смысле весьма показательной является позиция украинского историка и археолога Я. В. Барана, полагающего, что «“племя” как социальное образование совпадает с понятием “вождество”» (Давня історія України. Т. 3. Київ, 2000. С. 156–157).

¹³ Здесь и далее указанное определение я использую преимущественно в политантропологическом толковании — как форму социальной организации, характерную для поздней первобытности.

¹⁴ История первобытного общества. Т. 2. Эпоха первобытной родовой общины / Отв. ред. Ю.В. Бромлей. М., 1986. С. 372–377; Эванс-Причард Э. Нуэры. М., 1985.

¹⁵ Данный уровень племенной интеграции отмечен на примере североамериканских индейцев. Подобная структура достаточно подробно описана Л. Г. Морганом. Характерно, что для данного уровня интеграции свойственно наличие некоего принципа дифференциации племен по степени их влияния в совете лиги (см.: Аверкиева Ю. П. Индейцы Северной Америки. От родового общества к классовому. М., 1974. С. 171–250).

¹⁶ См.: Fried M. H. Evolution of Political Society. N.-Y., 1967.

¹⁷ Крадин Н. Н. Вождество: современное состояние проблемы и изучения // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М., 1995. С. 21–22.

Следовательно, об отождествлении племени (союза племен) и вождества не может быть и речи. Другое дело, что в советской исторической науке под союзами племен подразумевали совсем не то, что понимает под ними современная политическая антропология. В целом вождество как явление — политико- административная и иерархическая структура, занимающая промежуточное положение между эпохой родовой общины и временем ранней государственности. Поэтому прав Л.Е. Куббель, определявший подобные явления как потестарно-политические, подчеркивая тем самым их переходный характер в процессе становления государственности¹⁸.

Однако при этом на сегодняшний день до сих пор остается открытым вопрос — с какого времени можно говорить о трансформации вождестких структур в раннегосударственные.

Отмечу, что данная проблема является предметом активной дискуссии не только в отечественной, но и в мировой политической антропологии¹⁹. Незавершенность полемики и открытый характер ряда вопросов обусловлены отсутствием четких критериев, позволяющих говорить о превращении вождества в государство²⁰.

Говоря о критериях, определяющих вождество в археологическом плане, не стоит забывать, что мировая историческая наука достаточно успешно решала этот вопрос на протяжении последней трети ушедшего века. Согласно выводам современных исследователей, вождество на социально-политическом уровне определяется как одно- или двухуровневая управленческая иерархия, простирающаяся над уровнем локальных общин²¹. Следовательно, социальной иерархии соответствует и уровень иерархии поселений. На основании этих закономерностей в 80-х гг. XX в. исследователем Г. Джонсоном была создана модель иерархизации уровня принятия решений и метода определения уровня социальной сложности. В основу своей концепции Г. Джонсон положил анализ изменений типов поселений на региональном уровне, в первую очередь, выделение среди скопления мелких деревень центральных населенных пунктов, выполняющих роль административного и политического контроля за прилегающей округой²². Применение этой методики на материалах древней Сузианы позволила Г. Джон-

¹⁸ См.: Куббель Л. Е. Потестарная и политическая этнография // Исследования по общей этнографии. М., 1979, С. 242–243; *Его же*. Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1988.

¹⁹ См.: Earle T. Chiefdoms in Archeological and Ethnohistorical Perspective // Annual Review of Anthropology. 1987. Vol. 16. P. 279–308; Крадин Н. Н. Вождество: современное состояние и проблемы изучения // Ранние формы политической организации. М., 1995. С. 11–63.

²⁰ Здесь я позволю себе не согласиться с категорическим отрицанием В. В. Пузановым эффективности использования теории вождества на древнерусском материале, для анализа процессов восточнославянского этногенеза (см.: Пузанов В. В. Образование Древнерусского государства в восточноевропейской историографии. Ижевск, 2012. С. 47–51, 58).

²¹ См.: Wright H. T. Recent Reseam on the Origin of the State // Annual Review of Anthropology. 1977. vol. 6. P. 379–397; Feinman G., Neitzel J. Too Many Types: An Overview of Sedentary Prestate Societies in the Americas // Advances in Archaeological Methods and Theory. 1984. vol. 7. P. 39–102.

²² Johnson G.A. Spatial organization of Early Uruk Settlement // L'Archeologue de l'Iraq. Colloquess Internationale des Centre de la Recherche Scientifique. Paris, 1980. P. 233–263.

сону сформулировать критерии перехода вождестких структур в государственные — это случается, когда управленческая иерархия образует более чем двухуровневую структуру²³.

Уровню первичной организации восточных славян соответствуют небольшие, преимущественно неукрепленные поселения²⁴. Исследования памятников пражской и пеньковской культуры показали, что в среднем количество жителей подобных поселков не превышало 60 человек²⁵. Такие поселки образовывали компактные группы, которые в археологической литературе принято называть «гнездами поселений».

Впервые объектом научного интереса «гнезда поселений» стали в 1950-е гг. Изучавшая их тогда Г. Ф. Соловьева предположила, что каждая из таких групп или «гнезд поселений» является первичным славянским племенем, совокупность их представляет уже племенной союз²⁶. Идея, высказанная Г. Ф. Соловьевой, быстро завоевала популярность в отечественной науке. Отождествление «гнезд поселений» и славянских племенных союзов в своих работах проводили И. И. Ляпушкин, Б. А. Рыбаков, В. В. Мавродин, И. Я. Фроянов²⁷.

Новый этап в изучении восточнославянских «гнезд поселений» наступил в 1970–1980-х гг. Речь идет о исследованиях Б. А. Тимошука. В течение длительного времени им была обследована обширная территория Пруто-Днестровского междуречья и Буковинского Прикарпатья. На обследованной территории изучению подверглись 34 «гнезда поселений» второй половины I тыс. н.э. Полученные в ходе обследований материалы позволяют проследить этапы формирования «гнезд поселений», их структуру и топографию. Для всех без исключения

²³ Johnson G.A. The Changing Organization of Uruk Administration on the Susiana Plain // From Prehistory to the Islamic Conquest. Washington, 1987. P. 107–140. — В данном случае, на примере раннеурукской государственности Г. Джонсон выделяет четырехуровневую структуру управления.

²⁴ Следует вспомнить характеристику славян, данную Иорданом: «вместо городов живут они в болотах и лесах» (Иордан. О происхождении и деяниях гетов. М., 1960. С. 71).

²⁵ За основу взяты данные, полученные при исследовании таких памятников, как Городок, Кодын, Корчак, Семенки. В пределах указанных поселений существовало одновременно от 4–7 до 10–15 жилищ. Исходя из типа жилищ (однокамерные постройки с одним отопительным сооружением и площадью до 22 кв. м.) ряд исследователей считает, что они могли вмещать от 4 до 6 человек (Ляпушкин И. И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII — первая половина IX в.) // Материалы и исследования по археологии СССР. 1969. № 152. С. 128; Приходнюк О. М. Семья у восточных славян в раннем средневековье (по материалам поселений на территории УССР) // Открытия молодых археологов Украины. Киев. 1976. С. 13).

²⁶ Соловьева Г. Ф. Славянские племенные союзы по археологическим данным. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1953. С. 10–13; Её же. Славянские союзы племен по археологическим материалам VIII–XIV вв. // Советская археология. Т. XXV. М., 1956. С. 156–166.

²⁷ Ляпушкин И. И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. Л., 1968. С. 128; Рыбаков Б. А. Союзы племен и проблема генезиса феодализма на Руси // Проблема возникновения феодализма у народов СССР. М., 1969. С. 26–28; Мавродин В. В. О племенных княжениях восточных славян // Исследования по социально-политической истории России. Л., 1971. С. 55; Мавродин В. В., Фроянов И. Я. Об общественном строе восточных славян VIII–IX вв. в свете археологических данных // Проблемы археологии. Вып. 2. Л., 1978. С. 130–131.

«гнезд поселений» характерна группировка селищ вокруг определенного центра. По наблюдениям Б.А. Тимощука, таким центром могло являться «самое крупное в гнезде поселение с развитым ремеслом, городище-убежище, городище-убежище, городище — административный центр, городище-святилище». При этом исследователь отмечал интересный факт своеобразного дуализма — наличия у некоторых «гнезд поселений» двух центров, разнесенных территориально и выполнявших разные функции²⁸.

Наиболее детально структура «гнезд поселений» изучена на материалах Черновского гнезда-общины, расположенного в водоразделе, вытянутого с севера на юг на 14 км и занимавшего в ширину 4–6 км. Общую площадь «гнезда поселения» Б. А. Тимошук оценивал в 70 км², причем эта площадь приблизительно равна площадям других «гнезд поселений» Пруто-Днестровского бассейна²⁹. Своеобразная «эталонность» Черновского «гнезда поселений» объяснима еще и тем, что на нем отчетливо прослежены три стадии эволюции общины — от большесемейно-кровнородственной к соседско-территориальной.

Описанные выше наблюдения над массовым археологическим материалом дают возможность «овеществить», опредметить рассуждения о процессах политогенеза. Исследования Б.А. Тимощука наглядно показали, как выглядит процесс консолидации общин из позднепервобытных образований в потестарно-политические (на материалах Украинского Прикарпатья).

В самом деле, возникновение общинных центров в «гнездах поселений» говорит не только о зарождении элементов публичной власти, но и о появлении иерархии в среде общинных поселений. Иерархическая же структура — первый и основной признак складывания вождества.

Мне представляется весьма знаменательным, что в те же самые годы, когда Г. Джонсон и Г. Райт разрабатывали на древневосточном материале методику выделения археологических критериев возникновения вождеств, схожая работа и схожие выводы были сделаны Б.А. Тимощуком при исследовании восточнославянского региона³⁰. С одной стороны, это говорит в пользу универсальности вождеств как модели развития, с другой — дает основания для применения указанной методики в изучении процессов политогенеза в других районах древней Руси. Таким районом является территория Русской земли — т.е. Среднее Поднепровье.

На днепровском Правобережье картина выглядит следующим образом. На территории от Горыни до Днепра археологи выделяют городища и селища

²⁸ Тимошук Б. А. Общинный строй восточных славян VI–X вв. (по археологическим данным Северной Буковины) Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М., 1983. С. 22–23. — Говоря о дуализме центров «гнезд поселений», историк приводил в качестве примера городище-святилище и городище-убежище в «гнезде поселений» в Добрыновцах, которые окружало семь селищ. (См.: Тимошук Б.А. Слов'яни Північної Буковини VI–IX ст. Київ, 1976. С. 74–78, 152–154; *Его же*. Восточнославянская община VI–X вв. М., 1990; *Его же*. Восточные славяне: от общины к городам. М., 1995. С. 30–38).

²⁹ Тимошук Б. А. Общинный строй восточных славян... С. 23.

³⁰ Примечательна и хронология — одна из ключевых работ Г. Джонсона — «Spatial organization of Early Uruk Settlement» — увидела свет на страницах сборника работ международного коллоквиума «Археология Ирака», вышедшего в Париже в 1980 г. Диссертация Б. А. Тимощука была защищена в Институте археологии в Москве в 1983 г.

близ сел Пилиповичи и Дружба, Гульск и Несолонь Новгород-Волынского р-на³¹, в с Бараши Емельченского р-на³², в Олевске и Городце Овручского р-на³³; на Городище Малинского р-на³⁴; в Яроповичах Андрушевского района и Мирополе Дзержинского р-на³⁵. Эти гнезда поселений принято отождествлять с первичными объединениями летописных древлян. На территории полян выделяются компактные группы близ Киевских гор, у с. Китаево³⁶ и Вышгорода, у Белгородки³⁷ и Василева Киево-Святошинского р-на; у с. Витачев Обуховского р-на и с. Монастырек Каневского р-на.

Все эти перечисленные «гнезда поселений» вполне возможно, на мой взгляд, определять как иерархические структуры второго уровня. Завершение первого этапа в истории развития Русской земли означает дальнейшую трансформацию родовых структур восточнославянских племен Среднего Поднепровья в территориальные. Связано это с появлением в Поднепровье скандинавской «Руси», активно осваивавшей днепровский путь в Византию.

Есть серьезный резон в замечании И.Я. Фроянова, что восточнославянское общество IX–X вв. было иерархией славянских племенных союзов, с полянами во главе³⁸. Скандинавские конунги, опираясь на военную силу своих дружин и поддержку полянской общины, сумели подчинить себе окрестные племенные образования³⁹.

Данный процесс хорошо маркируется как письменными, так и археологическими источниками. Константин Багрянородный в своем трактате «Об управлении империей» подробно описывает полюдь — форму даннической эксплуатации росами славян. На уровне археологических источников система

³¹ Кучера М. П. Нові дані про городища Житомирщини // Археологія. 1982. Вип. 41. С. 72–73.

³² Древнерусские поселения Среднего Поднепровья. Археологическая карта. К., 1984. С. 30.

³³ Звиздецкий Б. А. Городища IX–XIII вв. на территории летописных древлян. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1990; Кучера М. П. Нові дані про городища Житомирщини, С. 72–73.

³⁴ Кучера М. П. Нові дані про городища Житомирщини, С. 72–73; Древнерусские поселения Среднего Поднепровья. С. 33.

³⁵ Звиздецкий Б. А. Городища IX–XIII вв. С. 6; Древнерусские поселения Среднего Поднепровья. С. 42.

³⁶ Мовчан И. И. Отчет о раскопках Китаевского поселения и могильника в 1973 г. // НА ІА НАНУ. Ф. 1973/22. е.х. 6839; Его же. Отчет об археологических исследованиях в Киеве на территории парка им. XXII съезда КПСС по Брест-Литовскому проспекту 124, проведенных в 1981–1982 году // НА ІА НАНУ. Ф. 1982/343. е.х. 21017; Мовчан И. И., Писаренко Ю. Г. Отчет о раскопках Киево-окольного отряда Киевской постоянно действующей экспедиции на территории Китаево весной-летом 1988 года // НА ІА НАНУ. Ф. 1988/17а. е.х. 22947; Мовчан И. И., Климовський С. І. Дослідження городища та курганів у Китаєво 1998 р. // НА ІА НАНУ. Ф.э. 26376.

³⁷ Дяденко В. Д. Раннеславянские памятники на территории Белгорода // КСИА УССР. 1962. Вып. 12. С. 85–86.

³⁸ Фроянов И. Я. К истории зарождения Русского государства // Из истории Византии и византиноведения. М., 1991. С. 76 и сл.

³⁹ Пузанов В. В. Древнерусская государственность: генезис, этнокультурная среда, идеологические конструкты. Ижевск, 2007. С. 240.

полюдья определяется несколькими явлениями. Во-первых, в рамках системы полюдья формируется сеть поселений нового типа, не имеющих сходства с племенными центрами поднепровских славян. Эти поселения в современной исторической литературе определяются по-разному — «открытые торгово-ремесленные поселения»⁴⁰, «погосты»⁴¹, «дружинные лагеря»⁴² и даже «многофункциональные военизированные поселения»⁴³. Более приемлемой мне представляется характеристика, данная этому типу поселений А.Н. Бондарем, который определяет их как «укрепленные центры начального этапа становления Древнерусского государства»⁴⁴. При помощи этих поселений киевские князья контролировали подвластную им территорию и осуществляли сбор дани.

Во-вторых, на территории Среднего Поднепровья с X в. выявлены отчетливые следы погребальной обрядности нового типа — так называемые камерные или «срубные» гробницы⁴⁵, которые, согласно новейшим разысканиям, отражают процесс формирования «руси» как социальной, а не этнической группы⁴⁶.

Все это говорит о том, что с середины — второй половины X в. ядро Русской земли оформляется как территория компактного проживания «русов», взимающих дань с окрестных славянских племен при помощи системы полюдья, опирающейся на цепь укрепленных поселений. К подобным поселениям на Днепровском правобережье относятся, в первую очередь, киевское городище на Замковой горе⁴⁷ и Китаевский комплекс под Киевом⁴⁸; левобережная территория

⁴⁰ Лебедев Г. С. Эпоха викингов с Северной Европе. Л., 1985. С. 107.

⁴¹ Моця О. П. Погосты в системі давньоруських населених пунктів // Археологічні студії. Київ, 2003. Вип. 2.

⁴² Шинаков Е. А. «Дружинные лагеря» // Стародавній Искоростень і слов'янські гради VIII–X ст. Київ, 2004. С. 307–311.

⁴³ Макушников О. А. Гомельское Поднепровье в V — середине XIII вв. Социально-экономическое и культурное развитие. Гомель, 2009. С. 78–95.

⁴⁴ Бондарь А.Н. Укрепленные пункты на территории междуречья Днепра и нижнего течения Десны в конце IX–X вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. 2010 год. Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012. С. 305.

⁴⁵ Моця А. П. Срубные гробницы Южной Руси // Проблемы археологии Южной Руси. Материалы историко-археологического семинара «Чернигов и его округа в IX–XIII вв.». Киев, 1990. С. 99–107. — В своих монографиях исследователь более подробно развил мысль о том, что обряд погребения в «срубных гробницах» является показателем не этническим, а социальным, т.е. характеризует формирующуюся управленческо-административную элиту Руси эпохи Владимира (Моця А. П. Население Среднего Поднепровья IX–XIII вв. (по данным погребальным памятников). Киев, 1987. С. 84–86; *Его же*. Погребальные памятники южнорусских земель IX–XIII вв. Киев, 1990. С. 23–24.

⁴⁶ Анализируя состав инвентаря срубных погребений, К.А. Михайлов отмечает, что на первый план выходит не этно-конфессиональная, а социальная характеристика статуса погребенных (Михайлов К.А. Древнерусские элитарные погребения X — начала XI в. (по материалам захоронений в погребальных камерах). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2005. С. 20). О камерных гробницах как элементе «дружинной культуры» Древней Руси пишет и А. А. Фетисов (Фетисов А. А. «Дружинная культура» Древней Руси // Древнейшие государства Восточной Европы. 2010 год. С. 406–436).

⁴⁷ Богусевич В. А. Розкопки на горі Киселевці // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. III. Київ, 1952. С. 66–72.

⁴⁸ Мовчан И. И. Давньокіівська околиця. Київ, 1993. С. 159–160.

представлена памятниками Табаевки⁴⁹, Шестовицы⁵⁰, Клонова⁵¹, Седнева⁵², Пересажа⁵³ и Гущина⁵⁴. На отрезке середины — второй половины X в. функция данных поселений была чисто редиистрибутивной — сбор и распределение податей.

Сложившаяся с конца IX — начала X в. в Среднем Поднепровье вождестская структура базировалась на системе полюдья — регулярном изымании «русью» дани с окрестных славянских племен и ее реализации на международных торговых рынках Багдада и Константинополя. Подобная экстенсивная система эксплуатации во многом схожа с теми, что встречается в кочевых империях⁵⁵.

Примечательно, что в указанное время вплоть до конца X века постоянной столицей в Среднем Поднепровье не отмечено. На это обращает внимание А.В. Назаренко, проводя параллель с эпохой Карла Великого, при котором вплоть до последних лет жизни столицы как постоянного местопребывания не было⁵⁶. Данное обстоятельство лишний раз подчеркивает специфическую систему сложного вождества на юге Восточной Европы, базировавшегося не на производстве, а на перераспределении прибавочного продукта, и вследствие этого до поры до времени не нуждавшегося в постоянном административно-хозяйственном центре⁵⁷.

Но уже с конца X — начала XI в. ситуация меняется. На большинстве племенных и межплеменных центров жизнь затухает. Это явление может, на мой взгляд, отождествляться с отмеченными в тексте ПВЛ активными военными действиями Владимира Святославича, направленными на подчинение окрестных славянских предгосударственных образований. Достоверность этих сведений подтверждается и археологическими данными. Как раз в 80–90 гг. X в. и первое десятилетие XI в. в целом ряде восточнославянских регионов отмечен

⁴⁹ Моця А. П. Погребальные памятники южнорусских земель IX–XIII вв. С. 124–125.

⁵⁰ Бліфельд Д. І. Давньоруські пам'ятки Шестовиці. Київ, 1977. С. 92–99.

⁵¹ Моця А. П. Срубные гробницы Южной Руси. С. 103–104.

⁵² Самоквасов Д. Я. Могилы Русской земли. М., 1908. С. 201.

⁵³ Ширинский С. С. Курганы X в. у деревни Пересаж // КСИА. 1969. Вып. 120. С. 106.

⁵⁴ Шекун В. А. Исследования на Черниговщине // Археологические открытия 1983 г. М., 1985. С. 374.

⁵⁵ Примечательно, что редиистрибутивно-данническая эксплуатация в виде полюдья — периодического объезда правителем подвластных территорий — прослежена в целом ряде раннегосударственных и даже доклассовых обществ (Кобищанов Ю.М. Полюдье: явление отечественной и всемирной истории цивилизаций. М., 1995).

⁵⁶ Назаренко А. В. Была ли столица в древней Руси? Некоторые сравнительно-исторические и терминологические наблюдения // Назаренко А. В. Древняя Русь и славяне. М., 2009. С. 103–113.

⁵⁷ В эту схему целиком и полностью укладывается летописное предание о желании Святослава перенести свою резиденцию из Киева в Переяславец на Дунае: «Рече Святославъ къ матери своей и къ болярюмъ своимъ: “Не любо ми естъ в Киевѣ быти, хочу жити в Переяславци на Дунаи, яко то естъ середа земли моея, яко ту вся благая сходятся: от Грекъ злато, паволоки, вина и оwoщеве разноличныя, изъ Чехъ же, из Угорь сребро и комони, из Руси же скоро и воскъ, медь и челядъ”» (ПВЛ/ Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. СПб., 1996. С. 32). Местопребывание князя рассматривается в первую очередь как средоточие редиистрибутивно-даннических функций, но не более того.

факт ликвидации старых племенных центров и возведение вблизи них опорных пунктов княжеской власти⁵⁸.

Это явление, известное в современной археологической литературе под названием «переноса городов»⁵⁹, знаменует собой следующую стадию политической интеграции — четвертую, означающую возникновение государственности. Для этого этапа характерно возникновение по рубежам Русской земли новых укрепленных поселений, возведенных по последнему слову фортификации, а также превращение разрозненных поселений на киевских горах в единый политико-административный центр («город Владимира»), что означает появление столицы.

Говоря о поселениях нового типа, следует, в первую очередь, упомянуть городища Белгорода, Василькова и Переяславля.

Белгородское городище расположено на западной околице села Белгородка, что в 23 км к юго-западу от Киева. Белгородская крепость была возведена в 991 г., но еще до того на ее месте существовало какое-то поселение. Раскопками В.В. Хвойки и Н. Д. Полонской в нижних слоях детинца и под крепостными стенами найдены фрагменты раннеславянской керамики. Часть обнаруженных жилищ авторы раскопок отнесли к IX–X вв., вместе с найденным в них инвентарем⁶⁰. В 1958 г. правильность этих наблюдений подтвердил В. Д. Дяденко, раскопавший на территории посада несколько хозяйственных ям с лепной и кружалной славянской керамикой, датированной им X в.⁶¹ В результате исследований на территории Белгорода, проведенных экспедицией КГУ, стало возможно очертить границы древнейшего поселения, предшествовавшего белгородской крепости. По свидетельству Г. Г. Мезенцевой, оно представляло собой достаточно большое укрепленное городище мысовой формы (8,5 га), ограниченное с запада Ирпенем, а с севера и юга — глубоким оврагом. С напольной южной стороны выявлены вал и ров. Первый сильно оплыл, но до сих пор достигает местами двухметровой высоты⁶². В целом, перед нами типичное городище — общинный центр⁶³.

Заложенная в 991 г. (по сообщению ПВЛ), белгородская крепость стала принципиально новым явлением в древнерусском градостроительстве. Детинец площадью свыше 12 га был окружен линией валов и рвов. Первые имели сложную конструкцию. В их основе находилась система деревянных клетей-срубов на подсыпке из глины. Для придания деревянному каркасу устойчивости с внутренней стороны вала клетки были заполнены утрамбованными слоями глины, а снаружи — необожженным кирпичом-сырцом⁶⁴. Примечательно, что укрепле-

⁵⁸ Тимощук Б. А. Восточнославянская община VI–X вв. М., 1990. С. 121–122.

⁵⁹ Дубов И. В. К проблеме “переноса” городов Древней Руси // Генезис и развитие феодализма в России: Проблемы историографии. Л., 1983. С. 70–82.

⁶⁰ Хвойко В. В. Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена. К., 1913. С. 83, 86; Полонская Н. Д. Археологические раскопки В.В. Хвойки 1909 и 1910 гг. в местечке Белгородка // Труды Московского предварительного комитета по устройству XV Археологического съезда. М., 1911. Т. 1. С. 65.

⁶¹ Дяденко В.Д. Раннеславянские памятники на территории Белгорода. С. 85–86.

⁶² Мезенцева Г. Г. О некоторых особенностях планировки древнего Белгорода // Культура средневековой Руси. Л., 1974. С. 39.

⁶³ Тимощук Б. А. Восточнославянская община. С. 30.

⁶⁴ Хвойко В. В. Древние обитатели... С. 76–78; Раппопорт П. А. Очерки по истории русского военного зодчества X–XIII вв. М.; Л., 1956. С. 78–79; Древнерусские поселения Среднего Поднепровья. С. 48.

ния детинца и окольного города были возведены единовременно и с использованием схожей строительной техники⁶⁵.

Обращает на себя внимание и качественное изменение принципов фортификации. Если предшествовавшее Белгороду раннеславянское городище было укреплено лишь с напольной стороны (остальные направления защищались естественными препятствиями — крутым склоном реки и оврагами), то возведенная в конце X в. крепость была защищена по всему периметру. Остатки укреплений над обрывистым берегом реки сползли вниз, но, тем не менее, следы их выявлены раскопками⁶⁶. Изменилась и внутренняя планировка города. Вместо хаотичного или радиального расположения жилищ, присущего славянским городищам VIII–X вв., застройка белгородской крепости осуществлялась по оси основных улиц, шедших от въездных ворот⁶⁷.

Само расположение Белгорода как новообразованной крепости на месте славянского городища, близ «гнезда поселений», расположенного по р. Ирпень⁶⁸ делает правдоподобным предположение, высказанное В. А. Пархоменко, что Белгород был основан, помимо прочего, как центр, обеспечивавший спокойствие в ближайших древлянских землях⁶⁹.

Что же касается Переяславля, то на сегодняшний день археологическими исследованиями следов славянских поселений в районе переяславского городища не обнаружено⁷⁰. Само городище древнего Переяславля исследованиями зафиксировано на мысу правого берега р. Трубеж и устья р. Альта. Оно относится к типу сложных городищ (по определению П.А. Раппопорта)⁷¹, состоящее из детинца и окольного города, имеющего собственные линии укреплений. При строительстве этих укреплений также использовалась технология кладки из сырцового кирпича, уже описанная выше на примере белгородских укреплений. Эта

⁶⁵ Раппопорт П. А. Очерки... С. 82.

⁶⁶ Мезенцева Г. Г. О некоторых особенностях планировки... С. 39.

⁶⁷ Главный въезд в детинец располагался в восточной части укреплений и охранялся мощными сторожевыми башнями. Любопытна и внутренняя планировка Белгорода. От городских ворот в направлении реки по оси северо-запад — юго-восток шла центральная улица. К ней примыкала другая, шедшая от южного въезда. Третий въезд в город располагался в северо-восточном углу детинца и вел в овраг, прорезавший ядро города. Эта дорога вела из Киева в Галич (Мезенцева Г. Г. О некоторых особенностях планировки... С. 39–40). Таким образом, при взгляде на план Белгорода становится ясно, что город, стоявший у переправы через Ирпень, занимал выгодное стратегическое положение. Здесь замыкались главные сухопутные магистрали западной части Среднего Поднепровья.

⁶⁸ Согласно данным раскопок и разведок, вдоль р. Ирпень до конца X в. функционируют как минимум, четыре поселения, датируемые по керамическому материалу VIII–X вв.: Игнатовка, Гореничи, Лука и Мостище (Русанова И. П. Славянские древности между Днепром и Западным Бугом. М., 1973. С. 38). Все эти поселения прекращают функционировать примерно в одно и то же время, когда возводится Белгород.

⁶⁹ Пархоменко В. А. У истоков русской государственности. Л., 1924. С. 50.

⁷⁰ Древнерусские поселения Среднего Поднепровья. С. 135–136.

⁷¹ Раппопорт П.А. Очерки по истории русского военного зодчества. С. 56.

конструкция была впервые выявлена Б. А. Рыбаковым в 1945 г.⁷²; более детальное исследование позже осуществил П. А. Раппопорт⁷³.

Схожая по технике конструкция внутривальных сооружений была прослежена при археологических раскопках Василькова⁷⁴, расположенного по течению р. Стугна. На городище зафиксирован культурный слой с керамикой второй половины X — начала XI в. Таким образом, по своему характеру Васильков типологически схож Белгородом, Переяславлем и рядом других городищ⁷⁵, где прослежены следы фортификации нового типа. Появление такого типа укреплений Ю. Ю. Моргунов связывает с влиянием южной фортификационной традиции, привнесенной из Византии и Болгарии⁷⁶.

Все упомянутые выше населенные пункты являлись уже не племенными средоточиями, а центрами властвования, при помощи которых киевские правители закрепляли власть главной политики над всей Русской землей.

Возникновение этих городищ, как мне представляется, маркирует начало второго этапа в развитии территории «Русской земли», этот этап начинается на рубеже X–XI вв. Основным его содержанием является оформление границ Русской земли, вдоль которой строятся крепости и оборонительные линии. Это пограничное строительство растянулось на несколько десятилетий. Начало было положено сооружением Постугнинской и Посульской оборонительных линий при Владимире Святославиче на рубеже X–XI вв. (сооружение Белгорода, Переяславля, Василькова, Заречья)⁷⁷.

Завершила формирование границ «Русской земли» деятельность Ярослава, который, по свидетельству ПВЛ, «поча ставити города по Рси»⁷⁸. В рамках этого строительного мероприятия была возведена 90-километровая цепь укреплений по левому берегу Роси, а также ряд городищ в междуречье Роси и Днепра. Ключевым пунктом новой оборонительной линии стал город Юрьев, расположенный на месте современного города Белая Церковь⁷⁹.

⁷² Рыбаков Б.А. Раскопки в Переяславі-Хмельницькому в 1945 р. // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. 1. Київ, 1949. С. 23.

⁷³ Раппопорт П.А. Очерки по истории русского военного зодчества. С. 82–87.

⁷⁴ Малеев Ю.Н. Отчет о археологических исследованиях на городище летописного Василева в 1978 г. // НА ІА НАНУ. Ф.е. 1978/103. е.х. 8928. С. 2–6; *Его же*. Отчет о раскопках на городище летописного Василева // НА ІА НАНУ. Ф.е. 1983/143. е.х. 21128. С. 9–11.

⁷⁵ К таким городищам можно отнести Пирогов, Виту-Почтовую и Заречье (Раппопорт П.А. Очерки... С. 87; Рыбаков Б. А. Владимировы крепости на Стугне//КСИА УССР. 1965. Вып. 100. С. 126; Кучера М.П. звіт про роботу розвідзагону по обстеженню городищ Київщині в 1972 р. // НА ІА НАНУ.Ф.е. 1972/24. е.х. 6251).

⁷⁶ Моргунов Ю. Ю. Фортификация Южной Руси X–XIII вв.: Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М., 2007. С. 19–20; *Его же*. Дерево-земляные укрепления Южной Руси X–XIII вв. М., 2009. С. 77, 244.

⁷⁷ Кучера М. П. Змиевы валы Среднего Поднепровья. Киев, 1987; Моргунов Ю. Ю. О пограничном строительстве Владимира Святославича на Переяславском Левобережье // Российская археология. 1999. № 3. С. 69–78.

⁷⁸ ПВЛ. С. 66.

⁷⁹ Древнерусские поселения Среднего Поднепровья. № 157–158; Иванченко Л. І., Орлов Р. С. Про локалізацію літописного Юріява // Археологія. 1986. Т. 83. С. 2–13.

Возводимая в Поросье новая линия укреплений включала в себя, кроме городищ, новую линию Змиевых валов. К востоку от Юрьева вал доходил до с. Ракитное, а на запад от тянулся более чем на 80 км, пересекая Каменку, верховья Унавы и достигая Гуйвы⁸⁰. Возведение Поросской линии укреплений означало значительное расширение границ Русской земли на юг от Стугны к Роси, а на западе — от Ирпеня до Тетерева и Гуйвы⁸¹.

Это дает толчок к освоению внутренней территории — в XI в. вблизи укрепленных поселений возникает значительное количество селищ. Характерно, что эти селища никак не связаны с поселениями VIII–X вв. и появляются лишь вблизи городищ, основанных на рубеже X–XI вв. Наиболее яркими примерами являются поселения, расположенные в бывшей земле древлян близ летописного Городеска⁸², в среднем Поросье (Канев и Родень)⁸³, а также междуречье Роси и Днепра (Казаровичи, Зарубинцы, Белая Церковь, Васильков, Обухов)⁸⁴.

Картина, прослеживаемая на основании археологических материалов конца X–XI вв., практически диаметрально противоположна раннеславянскому времени. Если в VII–X вв. городища возникают в гуще селищ, являясь их средоточием, то в XI в. мы наблюдаем картину иного порядка — основанные городища

⁸⁰ Кучера М. П. Змиевы валы Среднего Поднепровья. С. 178.

⁸¹ Толочко П. П. Киевская земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975. С. 12–13; Рычка В. М. Формирование территории Киевской земли (IX– первая треть XII в.). К., 1988. С. 45.

⁸² Кучера М. П. Нові дані про городища Житомирщини // Археологія. 1982. Т. 41. С. 81; Гончаров В. К. Розкопки древнього Городьска // АП УРСР. Т. 3. С. 133–134; Древнерусские поселения Среднего Поднепровья. № 30–32; Звиздецкий Б. А. Городища IX–XIII вв. на территории летописных древлян. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. К., 1990. С. 6.

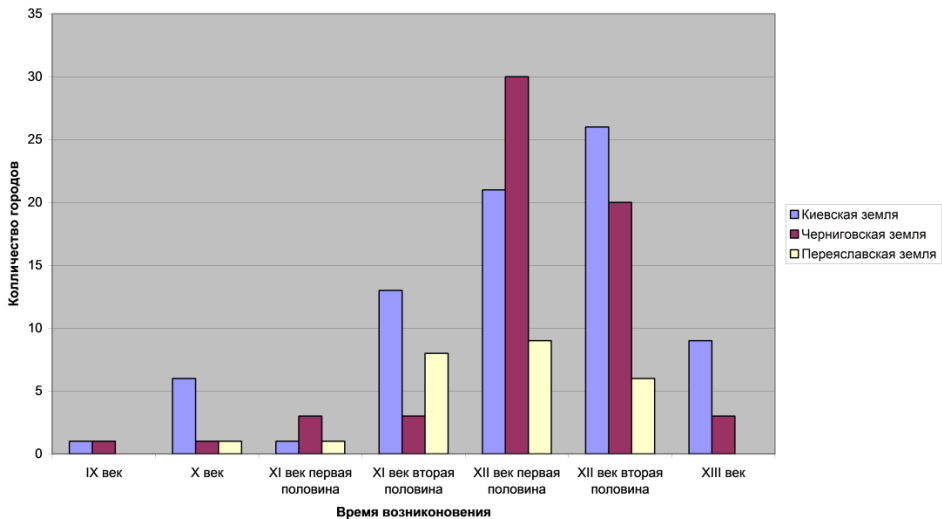
⁸³ Эти городища, одни из наиболее крупных в Поросье, имеют бинарную структуру (т.е. состоят из двух близлежащих городищ). На одном из городищ выявлены материалы IX–X и XI–XIII вв., в то время как на втором зафиксированы слои только древнерусского времени (Богусевич В. А. Отчет о работах Каневской археологической экспедиции 1947–1948 гг. // НА ІА НАНУ. Ф.е. 1947/26. е.х. 914; Пассек Т. С. Отчет Поросской экспедиции в 1945 г. // НА ІА НАНУ. Ф.е. 1945/4; Кучера М. П. Отчет о работе экспедиции «Змиевы валы» в 1980 г. // НА ІА НАНУ. Ф.е. 1980/34. е.х. 20267; Древнерусские поселения Среднего Поднепровья. № 142–143).

⁸⁴ Так, у с. Казаровичи близ городища открыта компактная группа из трех селищ и могильника. Подъемный материал и инвентарь датируются XI–XIII вв. (Телегин Д. Я., Березанская С. С., Митрофанова В. И. Отчет об археологических исследованиях в бассейне Киевского водохранилища в 1962 г. // НА ІА НАНУ. Ф. 1962/15; Круц В. А. Отчет о раскопках у с. Казаровичи в 1968 г. // НА ІА НАНУ. Ф.е. 1968/6а. е.х. 5119; Круц В. А., Максимов Е. В. Отчет о работе Каневской экспедиции в 1969 г. // НА ІА НАНУ. Ф.е. 1969/1. е.х. 5356; Степаненко Л. Я., Блажевич Н. В. Поселения та могильник XI–XIII вв. поблизу с. Казаровичі на Дніпрі // Дослідження з слов'яноноруської археології. С. 151–163). Подобные компактные группы селищ зафиксированы и вблизи городищ у сел Зарубинцы, пгт. Стеблев и Белая Церковь (Довженко В. Й. Городища й селища на Роси и Россаве // КСИА АН УССР. 1955. Вып. V. С. 54; Довженко В. Й., Приходнюк О. М. Звіт про роботу Сахнівського загону Середньодніпровської експедиції в 1973 р. // НА ІА НАНУ. Ф.е. 1973/21а; Приходнюк О. М. Археологічні розвідки в Поросці // Археологія. 1979. Т. 31. С. 93; Древнерусские поселения Среднего Поднепровья. № 147–148; № 176–178). По одному селищу зафиксировано у городищ вблизи Василькова и Обухова (Кравченко Н. М. Исследования в Киевской области // АО. 1970. М., 1971. С. 281; Древнерусские поселения... № 93).

раскидывают вокруг себя сеть неукрепленных поселений, осваивая, таким образом, сельскую округу⁸⁵.

Происходит формирование сельской округи городов и пригородов, её хозяйственное и культурное освоение. Все это открывает дорогу наступлению следующего, третьего по счету, этапа в развитии Русской земли. Он начинается со второй половины XI в. и может быть с полным правом назван эпохой «малых городов». Анализ археологических данных, полученных при изучении Среднего Поднепровья, позволяет говорить о резком возрастании числа городищ и селищ с культурными отложениями XII–XIII вв. Та же картина получается и при анализе летописных упоминаний городов Южной Руси⁸⁶:

Города Южной Руси IX–XIII вв.

Совокупность письменных и археологических данных позволяет сделать некоторые выводы. Во-первых, наблюдается резкое увеличение числа памятников XII–XIII вв., в особенности, селищ. Во-вторых, наряду с уже виденной в XI в. картиной «городище-селище», с начала XII в. возникает новая – компактные группы сельских поселений, расположенных вблизи друг друга. Такие селища нередко сопровождаются некрополями и не имеют вблизи укрепленных поселений. Стационарные раскопки такого типа памятников проводились в очень ограниченном объеме, но уже сегодня можно сказать, что в общих чертах представляют из себя подобные поселения.

⁸⁵ Это наблюдение, на мой взгляд, лишний раз подтверждает тезис А.Е. Преснякова о том, что «городовые волости-земли являлись на развалинах племенного быта, не из него вырастали, а его разрушали» (Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. М.; Л., 1938. Т. 1. С. 62).

⁸⁶ Данные приведены по подсчетам В.А. Кучкина (Кучкин В. А. Древнерусские княжества и их города в середине IX – первой трети XIII в. // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2013. № 3 (53)).

В качестве эталонного образца возьмем группу селищ, расположенную между селами Григоровка и Луковица на днепровском Правобережье. На исследованной территории расположено четыре селища. Самое крупное поселение располагалось в урочище «Чернечий лес» и характеризуется наиболее мощным культурным слоем, достигающим в ряде мест 3 м. В VIII–IX вв. на его месте существовало селище с городищем-убежищем, которое прекратило свое существование в конце X в. Затем, в начале XI в., оно снова заселяется и достигает своего расцвета как раз в XII–XIII вв. (его площадь в это время равнялась 2,5 га). Археологическими исследованиями прослежена густая усадебная застройка. При этом отмечено поразительное единообразие планировки жилищ, качества и количества обнаруженного в них инвентаря. К центральному поселению примыкали менее населенные селища общей площадью до 5 га. С напольной стороны к поселению примыкал могильник⁸⁷. Схожими характеристиками обладают памятники у с. Казаровичи и Грищенцы, которые также исследовались стационарно.

Появление такого типа поселений может, по нашему мнению, означать новый этап в освоении сельской округи. Расширение сети сельских поселений, появление новых городков означало развитие округи самих пригородов, рост их экономического и политического потенциала. Опираясь на самостоятельную экономическую базу и военный ресурс малые города начинают уходить из-под власти Киева. Как раз с середины XII в. начинается своеобразное «съезживание» территории «Русской земли», хорошо отмеченное в источниках⁸⁸. В 30–40-е гг. XII в. южнорусские летописцы уже не включают Черниговщину и Левобережье Днепра в состав «Русской земли», а в конце XII в. Она сужается до пределов Киевской земли, т.е. Днепровского Правобережья.

Происходят изменения и в территориальной структуре — если на рубеже X–XI вв. структура «Русской земли» образовывалась тремя крупными городами (Киевом, Черниговом и Переяславлем) и подвластным им пригородами (малыми городами), то к исходу XII в., после отделения Чернигова, а потом и Переяславля, Русская земля представляет собой трехчастную структуру из Киева, Белгорода и Вышгорода⁸⁹. Последние на протяжении XII в. из подчиненных Киеву пригородов превратились в фактически самостоятельные политические центры, нередко оспаривавшие главенство Киева⁹⁰.

Подводя итоги, можно отметить, что на протяжении X–XII вв. «Русская земля» прошла несколько этапов в своем территориальном и политическом развитии. На первом этапе мы наблюдаем превращение вождестской структуры в раннее государство; этот этап завершается к концу X в. Второй этап, начинающийся на рубеже X–XI вв., знаменует собой образование раннего государства в форме мультиполитии (по определению Н.Н. Крадина). Она представлена иерархией в виде столичного города (Киев) и подвластных ему пригородов (Чернигов и Переяславль). Укрепление границ, начало освоения внутренних

⁸⁷Петрашенко В. А. Древнерусские поселения Каневского Поднепровья // Славянские древности. 1990. М., 1995. Т. 2. Раннесредневековый город. С. 145–146.

⁸⁸Котляр М. Ф. «Руська земля» в літописах XI–XIII ст. С. 97–108.

⁸⁹Котышев Д. М. Киев — Белгород — Вышгород: из истории взаимоотношения города и пригородов Киевской земли // Слов'янські обрії. Київ, 2006. С. 118–150.

⁹⁰Михайлова И. Б. Малые города Южной Руси VIII–XIII вв. СПб., 2010. С. 86–174.

территорий (внутренняя колонизация) создают экономические и политические предпосылки для возвышения пригородов, превращения их в центры самостоятельной политической власти. Начинается третий этап в развитии «Русской земли», который характеризуется распадом первоначальной территории, выделением Черниговской и Переяславской земель в самостоятельные княжения. Территория Русской земли к концу XII в. фактически стала Киевской землей и в этом состоянии она просуществовала вплоть до самого монгольского нашествия.

Источники и литература:

1. *Аверкиева Ю. П.* Индейцы Северной Америки. От родового общества к классовому. М., 1974. С. 171–250.
2. *Бліфельд Д. І.* Давньоруські пам'ятки Шестовиці. Київ, 1977.
3. *Богусевич В. А.* Отчет о работах Каневской археологической экспедиции 1947–1948 гг. // НА ІА НАНУ. Ф.е. 1947/26. е.х. 914.
4. *Богусевич В. А.* Розкопки на горі Киселевці // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. III. Київ, 1952.
5. *Бондарь А. Н.* Укрепленные пункты на территории междуречья Днепра и нижнего течения Десны в конце IX–X вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. 2010 год. Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012.
6. *Ведюшкина И. В.* «Русь» и «Русская земля» в Повести Временных лет и летописных статьях второй трети XII — первой трети XIII вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1992–1993 гг. М., 1995.
7. *Гончаров В. К.* Розкопки древнього Городьска // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. 3.
8. *Давня історія України.* Т. 3. Київ, 2000. С. 156–157.
9. *Довженок В. Й.* Городища й селища на Роси и Россаве // КСИА АН УССР. 1955. Вып. V.
10. *Довженок В. Й., Приходнюк О. М.* Звіт про роботу Сахнівського заgonу Середньодніпровської експедиції в 1973 р. // НА ІА НАНУ. Ф.е 1973/21а.
11. *Дубов И. В.* К проблеме “переноса” городов Древней Руси // Генезис и развитие феодализма в России: Проблемы историографии. Л., 1983.
12. *Дяденко В. Д.* Раннеславянские памятники на территории Белгорода // КСИА УССР. 1962. Вып. 12.
13. *Звиздецкий Б. А.* Городища IX–XIII вв. на территории летописных древлян. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. К., 1990.
14. *Иванченко Л. І., Орлов Р. С.* Про локалізацію літописного Юрієва // Археологія. 1986. Т. 83.
15. *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов. М., 1960. С. 71.
16. *История первобытного общества.* Т. 2. Эпоха первобытной родовой общины / Отв. ред. Ю. В. Бромлей. М., 1986.
17. *Котляр М. Ф.* «Руська земля» в літописах XI–XIII ст. // Український історичний журнал. 1976. № 11.
18. *Котляр Н. Ф.* О социальной сущности Древнерусского государства IX — пер. пол. X в. // Образование Древнерусского государства. Спорные проблемы. Чтения памяти член-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Москва. 13–15 апреля 1992. М., 1992.
19. *Котляр Н. Ф.* Древнерусская государственность. СПб., 1998.
20. *Котышев Д. М.* «Русская земля» в первой половине XII в.: из наблюдений над текстом Ипатьевской летописи за 1110–1150 гг. // Український історичний збірник. 2005: Зб. наук. пр. Вип. 8. Київ, 2005.
21. *Котышев Д. М.* Киев — Белгород — Вышгород: из истории взаимоотношения города и пригородов Киевской земли // Слов'янські обрії. Київ, 2006. С. 118–150.
22. *Кравченко Н. М.* Исследования в Киевской области // АО. 1970. М., 1971.

23. Крадин Н. Н. Вождество: современное состояние проблемы и изучения // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М., 1995. С. 21–22.
24. Круц В. А. Отчет о раскопках у с. Казаровичи в 1968 г. // НА ИА НАНУ. Ф.е. 1968/6а. е.х. 5119.
25. Круц В. А., Максимов Е. В. Отчет о работе Каневской экспедиции в 1969 г. // НА ИА НАНУ. Ф.е. 1969/1. е.х. 5356.
26. Куббель Л. Е. Потестарная и политическая этнография // Исследования по общей этнографии. М., 1979.
27. Кучера М. П. Звіт про роботу розвідзагону по обстеженню городищ Київщині в 1972 р. // НА ИА НАНУ. Ф.е. 1972/24. е.х. 6251.
28. Кучера М. П. Змиевы валы Среднего Поднепровья. Киев, 1987.
29. Кучера М. П. Новідані про городища Житомирщини // Археологія. 1982. Вип. 41. С. 72–73.
30. Кучера М. П. Отчет о работе экспедиции «Змиевы валы» в 1980 г. // НА ИА НАНУ. Ф.е. 1980/34. е.х. 20267.
31. Кучкин В. А. Древнерусские княжества и их города в середине IX — первой трети XIII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 3 (53).
32. Кучкин В. А. Русская земля по летописным данным XI — первой трети XIII вв. // Образование Древнерусского государства. Спорные проблемы. Чтения памяти член-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Москва. 13–15 апреля 1992. М., 1992.
33. Кучкин В. А. Русская земля по летописным данным XI — первой трети XIII вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1992–1993 гг. М., 1995.
34. Лебедев Г. С. Эпоха викингов с Северной Европе. Л., 1985.
35. Ляпушкин И. И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII — первая половина IX в.) // Материалы и исследования по археологии СССР. 1969. № 152.
36. Приходнюк О. М. Семья у восточных славян в раннем средневековье (по материалам поселений на территории УССР) // Открытия молодых археологов Украины. Киев, 1976.
37. Мавродин В. В. О племенных княжениях восточных славян // Исследования по социально-политической истории России. Л., 1971.
38. Мавродин В. В., Фроянов И. Я. Об общественном строе восточных славян VIII–IX вв. в свете археологических данных // Проблемы археологии. Вып. 2. Л., 1978.
39. Макушников О. А. Гомельское Поднепровье в V — середине XIII вв. Социально-экономическое и культурное развитие. Гомель, 2009.
40. Малеев Ю. Н. Отчет о археологических исследованиях на городище летописного Василева в 1978 г. // НА ИА НАНУ. Ф.е. 1978/103. е.х. 8928.
41. Малеев Ю. Н. Отчет о раскопках на городище летописного Василева // НА ИА НАНУ. Ф.е. 1983/143. е.х. 21128.
42. Мезенцева Г. Г. О некоторых особенностях планировки древнего Белгорода // Культура средневековой Руси. Л., 1974.
43. Мельникова Е. А. К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Восточной Европе (Постановка проблемы) // Древнейшие государства Восточной Европы. 1992–1993 гг. М., 1995. С. 16–33.
44. Мельникова Е. А. К типологии становления государства в Северной и Восточной Европе (постановка проблемы) // Образование древнерусского государства. Спорные проблемы. Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. М., 1992. С. 38–41.
45. Михайлов К. А. Древнерусские элитарные погребения X — начала XI в. (по материалам захоронений в погребальных камерах). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2005.

46. Михайлова И. Б. Малые города Южной Руси VIII–XIII вв. СПб., 2010.
47. Мовчан И. И. Давньокиївська околиця. Київ, 1993.
48. Мовчан И. И. Отчет о раскопках Китаевского поселения и могильника в 1973 г. // НА ИА НАНУ. Ф. 1973/22. е.х. 6839.
49. Мовчан И. И. Отчет об археологических исследованиях в Киеве на территории парка им. XXII съезда КПСС по Брест-Литовскому проспекту 124, проведенных в 1981-1982 году // НА ИА НАНУ. Ф. 1982/343. е.х. 21017.
50. Мовчан И. И., Писаренко Ю. Г. Отчет о раскопках Киево-окольного отряда Киевской постоянно действующей экспедиции на территории Китаево весной-летом 1988 года // НА ИА НАНУ. Ф. 1988/17а. е.х. 22947.
51. Мовчан І. І., Климовський С. І. Дослідження городища та курганів у Китаєво 1998 р. // НА ИА НАНУ. Ф.э. 26376.
52. Моргунов Ю. Ю. Дерево-земляные укрепления Южной Руси X–XIII вв. М., 2009.
53. Моргунов Ю. Ю. О пограничном строительстве Владимира Святославича на Переяславском Левобережье // Российская археология. 1999. № 3.
54. Моргунов Ю. Ю. Фортификация Южной Руси X–XIII вв. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М., 2007.
55. Моця А. П. Население Среднего Поднепровья IX–XIII вв. (по данным погребальным памятников). Киев, 1987.
56. Моця А. П. Погребальные памятники южнорусских земель IX–XIII вв. Киев, 1990.
57. Моця А. П. Срубные гробницы Южной Руси // Проблемы археологии Южной Руси. Материалы историко-археологического семинара «Чернигов и его округа в IX–XIII вв.». Киев, 1990.
58. Моця О. П. Погости в системі давнь о руських населених пунктів // Археологічні студії. Київ. 2003. Вип. 2.
59. НЛ / ПСРЛ. Т. 3. М., 2000.
60. Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951.
61. Пархоменко В. А. У истоков русской государственности. Л., 1924.
62. Пассек Т. С. Отчет Поросской экспедиции в 1945 г. // НА ИА НАНУ. Ф.е. 1945/4.
63. ПВЛ / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Изд. 2-е. СПб., 1996.
64. Петрашенко В. А. Древнерусские поселения Каневского Поднепровья // Славянские древности. 1990. М., 1995. Т. 2. Раннесредневековый город. С. 145–146.
65. Полонская Н. Д. Археологические раскопки В.В. Хвойки 1909 и 1910 гг. в местечке Белгородка // Труды Московского предварительного комитета по устройству XV Археологического съезда. М., 1911.
66. Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. М.; Л., 1938. Т. 1.
67. Приходнюк О. М. Археологічні розвідки в Пороссі // Археологія. 1979. Т. 31.
68. Пузанов В. В. Древнерусская государственность: генезис, этнокультурная среда, идеологические конструкты. Ижевск, 2007.
69. Пузанов В. В. Образование Древнерусского государства в восточноевропейской историографии. Ижевск, 2012.
70. Раппопорт П. А. Очерки по истории русского военного зодчества X–XIII вв. М.; Л., 1956.
71. Русанова И. П. Славянские древности между Днепром и Западным Бугом. М., 1973.
72. Рыбаков Б. А. Владимировы крепости на Стугне // КСИА УССР. 1965. Вып. 100.
73. Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982.
74. Рыбаков Б. А. Проблема образования древнерусской народности в свете трудов И.В. Сталина // Вопросы истории. 1951. № 9. С. 42–62.
75. Рыбаков Б. А. Розкопки в Переяславі-Хмельницькому в 1945 р. // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. 1. Київ, 1949.
76. Рыбаков Б. А. Союзы племен и проблема генезиса феодализма на Руси // Проблема

- возникновения феодализма у народов СССР. М., 1969.
77. Рычка В. М. Формирование территории Киевской земли (IX – первая треть XII в.) К., 1988.
 78. Сомковасов Д. Я. Могилы Русской земли. М., 1908.
 79. Соловьева Г. Ф. Славянские племенные союзы по археологическим данным. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1953.
 80. Соловьева Г. Ф. Славянские союзы племен по археологическим материалам VIII–XIV вв. // Советская археология. Т. XXV. М., 1956. С. 156–166.
 81. Степаненко Л. Я., Блажевич Н. В. Поселения та могильник XI–XIII вв. поблизу с. Казаровичі на Дніпрі // Дослідження з слов'яноноруської археології.
 82. Телегин Д. Я., Березанская С. С., Митрофанова В. И. Отчет об археологических исследованиях в бассейне Киевского водохранилища в 1962 г. // НА ІА НАНУ. Ф. 1962/15.
 83. Тимощук Б. А. Восточнославянская община VI–X вв. М., 1990.
 84. Тимощук Б. А. Восточные славяне: от общины к городам. М., 1995.
 85. Тимощук Б. А. Общинный строй восточных славян VI–X вв. (по археологическим данным Северной Буковины). Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М., 1983.
 86. Тимощук Б. А. Слов'яни Північної Буковини VI–IX ст. Київ, 1976.
 87. Тихомиров М. Н. Происхождение названий «Русь» и «Русская земля» // Советская этнография. 1947. т. VI–VII.
 88. Толочко П. П. Киевская земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975.
 89. Фетисов А. А. «Дружинная культура» Древней Руси // Древнейшие государства Восточной Европы. 2010 год. Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012.
 90. Фроянов И. Я. К истории зарождения Русского государства // Из истории Византии и византиноведения. М., 1991.
 91. Хвойко В. В. Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена. К., 1913.
 92. Шекун В. А. Исследования на Черниговщине // Археологические открытия 1983 г. М., 1985.
 93. Шинаков Е. А. «Дружинные лагеря» // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII–X ст. Київ, 2004.
 94. Ширинский С. С. Курганы X в. у деревни Пересаж // КСИА. 1969. Вып. 120.
 95. Эванс-Причард Э. Нуэры. М., 1985.
 96. Earle T. Chiefdoms in Archeological and Ethnohistorical Perspective // Annual Review of Anthropology. 1987. Vol. 16.
 97. Feinman G., Neitzel J. Too Many Types: An Overview of Sedentary Prestate Societies in the Americas // Advances in Archaeological Methods and Theory. 1984. vol. 7.
 98. Fried M. H. Evolution of Political Society. N.-Y., 1967.
 99. Johnson G. A. Spatial organization of Early Uruk Settlement // L'Archeologue de l'Iraq. Colloquess Internationale des Centre de la Recherche Scientifique. Paris, 1980.
 100. Johnson G. A. The Changing Organization of Uruk Administration on the Susiana Plain // From Prehistory to the Islamic Conquest. Washington, 1987. P. 107-140.
 101. Wright H. T. Recent Reseam on the Origin of the State // Annual Review of Anthropology. 1977. vol. 6.